

«Слушай, родная страна, с тобой говорит Ленинград!»

Кадры военной хроники запечатлели лица людей, застывших у уличного репродуктора 22 июня 1941 года. Война! С напряженным вниманием люди слушают и постигают смысл этого страшного слова — война. Все мгновенно изменилось. Улыбки исчезли с лиц, на всех легла тяжелая тень заботы. Война, страшное, безжалостное и неотвратимое вошло в жизнь каждого. Только что кто-то собирался в театр или в гости, а теперь стоит в задумчивости у репродуктора...

В ЛЕНИНГРАДСКИЙ радиокомитет срочно вызваны сотрудники — идет экстренное совещание. Спешно меняется программа. То, что было хорошо вчера, теперь не подходит. Уже падают бомбы, и люди у репродуктора ждут новостей, ждут единственно нужных слов, чтобы справиться с первым потрясением. Радио работает на улицах города, черные тарелки репродукторов включили во всех домах — включенными они останутся все дни войны и страшной блокады, которую суждено будет пережить прекраснейшему из городов мира.

Очень скоро по радио начнут звучать сигналы воздушной тревоги, в жизнь горожан войдет мерный стук метронома: спокойный — значит, все тихо, частый — в городе вражеский налет.

С первого дня войны на радио потянулись люди. Василий Соловьев-Седой принес новую песню — «Играй, мой баян». 24 июня она уже звучала в эфире Ленинградского радио:

*Играй, мой баян,
И скажи всем врагам,
Что жарко им будет в бою...*

У МИКРОФОНА выступали писатели, ученые, артисты. Ленинградцы слушали Николая Черкасова, Дмитрия Шостаковича, Анну Ахматову.

Дом радио стал жить новой жизнью. Слова «Доброе утро!» и «Спокойной ночи!» больше не произносились.

Радиоинженеры и радиотехники надели военную форму, теперь они не ходили на работу в Дом радио, а жили здесь на казарменном положении. Спали в одной большой комнате на раскладушках, дежурили на крыше, спасая дом от зажигательных бомб. Скоро к ним присоединились и гражданские. Дом радио стал настоящим домом для журналистов, дикторов, артистов и музыкантов.

Все вокруг изменилось — на Марсовом поле появилась батарея зениток. На мостах — зенитные установки. Слепо смотрели окна домов, заклеенные крест-накрест бумагой. В Доме радио тоже заколотили огромные оконные проемы.

Вручную, орудия ломом и лопатой, техники проложили резервные кабели. Создали резервный радиовещательный узел и небольшую вещательную студию в подвале. Едва закончили, как руководивший всеми этими работами начальник радиовещательного узла связи Петр Палладин получил секретный приказ: подготовить план уничтожения всей аппаратуры радиоузла. Бои шли уже на Лужском рубеже.

(План пролежал в сейфе всю войну, и о нем, к счастью, не пришлось вспомнить.)

Из пригородов срочно эвакуировали приемные радиостанции. Под огнем вывозили оборудование. Радисты уходили вместе с последними солдатами отступавшей армии. Уже шли жестокие бои под Колпином, а радиостанция там продолжала работать! Она работала под обстрелами,

У репродуктора на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы.

ми, работала, даже когда рядом была разрушена стена машинного зала. Под градом снарядов ее демонтировали и вывезли в город.

В этих жестких условиях рождались смелые идеи. В сжатые сроки была построена новая длинноволновая радиостанция. Она расположилась в буддийском храме, который был плотно укрыт густой листвой из ЦПКИО. Ее так и не смогли обнаружить немецкие летчики. Станция работала бесперебойно, за всю войну сюда не попало ни одного снаряда. Бомбили рядом, но станция под сенью золоченого будды осталась нетронутой.

В городе тогда не было коротковолновых передатчиков, а они были крайне нужны для связи с Москвой. И связисты смонтировали такой передатчик из «того, что было» — из ТВ-передатчика УКВ-диапазона.

НА КОРОТКИХ волнах Ленинград принимала Москва и транслировала на всю страну.

«Слушай, родная страна, с тобой говорит Ленинград!» — эти слова неслись в радиоэфире из Ленинграда, отрезанного от всей страны плотным блокад-

ным кольцом. У микрофона в студии Дома радио их произносила хрупкая мужественная женщина с нежными чертами лица — Ольга Берггольц. Ее голос стал голосом блокадного города, ее стихи стали его живой душой. Недаром назвали ее потом — ленинградская мадонна. Почему мадонна? Ответ в стихах:

Что может враг — разрушить и убить, и только-то, а я могу — любить!

Ее голос, ее слова несли любовь, сострадание, глубокую человеческую правду.

Враг приближался к городу, сокращались хлебные нормы. А она повторяла: «Мы не сдадимся, мы победим!»

«Клянусь, мы страшно будем биться...» — звенел пронзающий, трогательный, исполненный глубокой решимости голос.

Ольга Берггольц была в списках тех, кто подлежал расстрелу после того, как город будет взят немцами.

Падая от усталости, преодолевая слабость и голод, она призывала к мужеству и знала: в холодных квартирах такие же голодные, как и она, ленинградцы ждут ее слов, надеются услышать то, что поможет им выжить или хотя бы пережить еще один черный блокадный день. И она неслала им свою веру, свою любовь.

Ее голос звучал в ленинградском эфире, и для многих это был единственный живой голос в доме.

Стихи звучали по радио каждый день. Блокадный город внимательно слушал. Слушала вся большая страна.

*Я говорю с тобой под свист снарядов,
Угрюмым заревом озарена.*

*Я говорю с тобой из Ленинграда,
Страна моя, печальная страна.*

Исхудавшая и ослабевшая, она шла к микрофону и вливала в свои слова все силы своей души. Ее слушали жадно. Ей верили безоговорочно. Она дышала одним дыханием со всеми оглушенными горем, измученными голодом, смертельно уставши-

Ольга Берггольц в редакции «Комсомольской правды». 1944 г.